

доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 23.01.2013).

Срочно требуется организатор досуга. – 2005 // Национальный корпус русского языка [электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 19.01.2013).

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В.Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.

Naciscione A. Stylistic use of Phraseological Units in Discourse / Anita Naciscione. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2010. – 292 pp.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНУЮ ЛЕКСИКУ, ОБОЗНАЧАЮЩУЮ ОРУДИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ

Л.О. Сараев

*Научный руководитель: Н.А. Плещев,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

Традиционно в большинстве культур, равно как и в обществе, имеет место стремление оценивать человека как с точки зрения внешности, так и с точки зрения личных качеств. При этом в обоих случаях существуют определенные нормы, которым человек стремится следовать. Под понятием «норма» следует понимать набор «предписаний, указывающих на социально одобряемые алгоритмы поведения» [Самыгин 2006: 157]. Иными словами, данное понятие отражает «стандарты, стереотипы проверенного практикой типового поведения в повторяющихся условиях социального бытия» [Степанова 2005: 7]. Безусловно, в разных культурах нормы в отдельных деталях различаются, но все же во многих из них имеют место базовые принципы. Это также касается и оценки человеческих качеств, где, безусловно, есть общепринятые нормы среди многих культур.

В то же время на протяжении истории в большинстве обществ существовали и существуют индивиды, чье поведение выходит за рамки общепринятых норм. Такие отклонения обозначаются как девиантные, соответственно, возникает такое понятие, как «девиантное поведение» (лат. *deviatio* ‘отклонение от дороги’). Это совокупность индивидуальных или коллективных форм поведения, которые «воспринимаются как не соответствующие нормам, ожиданиям, ценностям, декларированным или разделяемым членами группы» [Степанова 2005: 9]. Развернутое социологическое объяснение девиации впервые дал Э. Дюркгейм. Согласно его точке зрения, основной причиной девиации является

«безнормность». По сути, это состояние дезорганизации общества, когда «ценности, нормы, социальные связи либо отсутствуют, либо становятся неустойчивыми и противоречивыми» [Самыгин 2006: 159]. Все, что нарушает стабильность, приводит к неоднородности, неустойчивости социальных связей, разрушению коллективного сознания, порождает нарушения общественного порядка, дезорганизует людей, и в результате появляются различные виды девиаций. Однако Э. Дюркгейм в то же самое время считает, что отклонение от норм несет не только отрицательное, но и положительное начало. Девиация «подтверждает роль норм, ценностей, дает полное представление о многообразии норм» [Самыгин 2006: 160].

Следует понимать, что данный подход к явлению девиации носит сугубо социологический характер, а между тем, само понятие носит в современной науке междисциплинарный характер. Кроме того, девиацию возможно рассматривать междисциплинарно и более широко, чем предполагает социология. С нашей точки зрения, данным понятием следует считать любое отклонение от норм, не только общественных, но и от прочих, задаваемых обществом в различных сферах жизни. Если же говорить о качествах человека, то здесь существует многообразие норм, равно как и отклонений от них. Все вместе они затрагивают не только поведение человека в обществе, но и другие сферы жизнедеятельности. В данной статье предлагается рассмотреть, какие личные качества оцениваются носителем немецкого языка как негативные и как они репрезентируются через лексику, обозначающую орудия и инструменты.

По своей структуре концепт «Отрицательные качества человека» в немецком языке достаточно широк. Наиболее ярким когнитивным слоем внутри концепта является интеллектуальная неполноценность. Одна из норм, принятых в человеческом обществе, – это уровень интеллекта и умственные способности. И если человек совершает поступок, выходящий за рамки известного, общество оценивает субъекта как безумца или недостаточно развитого в интеллектуальном плане. Особую роль здесь играют представления об организме как о едином системно циркулирующем механизме. При этом отсутствие какой-либо детали или, наоборот, присутствие лишней приводит к сбою и, как следствие, к нарушению в умственной организации субъекта, что и порождает девиацию. Как следствие, в языке используется лексика, обозначающая крепежные детали:

- *ihm (bei ihm) fehlt eine Schraube* ‘у него винта/болта не хватает’ [Kürper 1993: 741], ср. *у него шариков в голове не хватает*;
- *bei ihm ist eine Schraube los/locker* ‘у него винт/болт неприкрепленный/расшатанный’ [Kürper 1993: 741];
- *einen Nagel im Zylinder haben* ‘иметь гвоздь в цилиндре’, ‘быть в не в своем уме’ [Kürper 1993: 561].

С другой стороны, кроме крепежных деталей, в языке происходит метафоризация лексемы *der Hammer* ‘молоток’. Мотивация в этом случае основана на функции инструмента – человек не обладает интеллектом потому, что получил удар молотком по голове:

- австр. нем. *der Hammer* ‘глупый человек’ [Kürper 1993: 323];
- *einen Hammer haben* ‘иметь молоток’, ‘быть не в своем уме’ [Kürper 1993: 323];
- *einen mittleren Hammer haben* ‘иметь средний молоток’, ‘быть слегка сумасшедшим’ [Kürper 1993: 323].

В последнем случае ключевую роль играет характеристика *mittler* ‘средний’. Она позволяет предположить наличие уровней интеллектуальной неполноценности у субъекта, а следовательно, носитель языка может использовать любую характеристику меры/степени внутри данной конструкции.

Из других дериватов, характеризующих интеллектуальную неполноценность, в языке встречаются следующие:

- *dumme Säge* ‘глупая пила’, ‘глупый, неловкий человек’ [Kürper 1993: 689] – употребление лексемы *die Säge* возможно объяснить тем, что носитель языка ассоциирует умственную неполноценность с примитивностью и монотонностью движений пилой;
- *seine Oma ist mit der Sense rasiert* ‘его бабушка косой побрита’, ‘у него не все дома’ [Kürper 1993: 766] – интеллектуальная неполноценность субъекта описывается не напрямую, но указывается через недостатки родни субъекта, ср. *какая курица, такое и яйцо*. Следует заметить, что в качестве родственника выбирается субъект женского пола – *die Oma* ‘бабушка’. Учитывая, что в традиционной западной культуре женщина считается источником зла и греховности, можно предположить, что девиантность субъекта с точки зрения носителя языка обусловлена плохой наследственностью.

Кроме оценки интеллектуальных способностей, носитель языка указывает на нравственные недостатки человека. Образующие данный когнитивный слой дериваты либо носят характер насмешки, либо устанавливают презрительные отношения между девиантом и окружающими людьми. Кроме того, по структуре когнитивный слой разбивается на периферийные слои. Во-первых, носителем языка отмечается такое отрицательное качество, как высокомерие. В качестве репрезентанта выступает *der Nagel* ‘гвоздь’, инструмент – крепежная деталь. Как и в предыдущем случае, вновь играют роль представления о человеке как о механизме. Мотивация основана на том, что гвоздь воспринимается как препятствие, создающее помеху и заставляющее находится в одном положении:

- *einen Nagel im Kopf haben* ‘иметь гвоздь в голове’, ‘быть чванливым/высокомерным’ [Kürper 1993: 561].

У этой конструкции есть варианты:

- *einen dicken (großen) Nagel im Kopf haben* ‘иметь толстый (большой) гвоздь в голове’ [Küpper 1993: 561];
- *einen Nagel in den Kopf kriegen* ‘получить гвоздь в голову’ [Küpper 1993: 561].

Из других отрицательных качеств носителем языка выделяются грубость и жадность. Однако недостаточно подчеркнуть ту или иную особенность субъекта, поэтому в сознании включается дополнительный концептуальный признак. Им, как правило, выступает гендерный стереотип. Таким образом, в деривате указывается половая принадлежность субъекта, и вышеназванные качества разделяются по гендерному признаку:

- *verdrehte Schraube* ‘закрученный винт’, ‘о женщине со странными привычками или эксцентричными запросами’ [Küpper 1993: 741] – мотивация, послужившая для обозначения женщины лексемой *die Schraube*, во многом остается неясной. Можно предположить, что изначально лексема использовалась для обозначения мужского полового органа, что подтверждается жаргонным значением синонима *der Bolzen*. Затем обозначение было метафорически перенесено на объект воздействия, т.е. женщина воспринимается как объект-вместилище для мужского полового органа;
- *die Axt im Walde* ‘топор в лесу’, ‘неуклюжий, грубый, страстный до споров мужчина’ [Küpper 1993: 64]. Как правило, работа топором – это рубка, т.е. достаточно простой и примитивный, даже грубый труд. Но это неотъемлемая часть данной работы, а не девиация, следовательно, в конструкции описывается девиант, не являющийся в полной мере таковым. То девиантное, что описывается в нем сочетанием, – это его неотъемлемая составляющая, которую следует принимать как данность, хотя и не самую приятную для общества.

Подводя итог, можно сказать, что носитель немецкого языка подходит к человеку как к механизму, в котором все должно быть точно и полноценно функционировать. На это умозаключение наталкивает тот факт, что преимущественно используются дериваты лексики, обозначающей крепежные детали. Любое отклонение в личных качествах воспринимается как отсутствие нужной детали или, наоборот, присутствие лишней, т.е. в качестве мотивации выступает функция инструмента.

Особое место здесь занимает лексема *der Hammer*, через дериваты которой демонстрируется нарушение механизма путем удара по голове, причем имеет место градация уровней неполноценности. Что касается других лексем, то их дериваты, во-первых, демонстрируют не только интеллектуальное состояние, но, что интересно, и другие отрицательные качества человека. Кроме того, наблюдается разграничение по половому признаку. Последнее, с нашей точки зрения, указывает на то, что носитель немецкого языка не только указывает на отрицательные качества как на нарушения в порядке работы механизма, но и подчеркивает их гендерную

специфику, что также организует всю систему представлений об окружающем мире.

Список литературы

Самыгин П.С. Девиантное поведение молодежи / П.С. Самыгин. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 440 с.

Степанова Н.И. Философский анализ девиации (онто-гносеологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н.И. Степанова. – М. : [б.и.], 2005. – 16 с.

Küpper H. Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – 1. Aufl., 5. Nachdr. – Stuttgart : Klett, 1993. – 959 S.

ЭВФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

А.И. Барышева

*Научный руководитель: Л.А. Сергеева,
доктор филологических наук, профессор (БашГУ)*

Одной из самых удивительных особенностей естественного языка является его способность передавать не только вербально выраженную, но и никаким образом не проявленную, имплицитную информацию. По данным многочисленных исследований, имплицитность – не только одно из важнейших свойств языка и речи, но и неотъемлемая составляющая любого текста и акта коммуникации.

В данной статье мы рассмотрим один из маркеров имплицитности – эвфемизмы. Маркеры имплицитности являются своего рода «сигналами», привлекающими внимание читателя и дающими понять, что за явным смысловым пластом скрывается неявный. Материалом для исследования послужили публицистические тексты.

Так как публицистика тесно связана с теми реалиями действительности, именовать которые прямо, эксплицитно, порой просто невозможно, в статьях мы часто сталкиваемся с эвфемизмами.

Один из классических исследователей эвфемии Л.П. Крысин выделяет три основных причины эвфемизации речи в социальных сферах жизни, исходя из определения явления: «эвфемизм» – слово или выражение, как правило, с нейтральной эмоциональной окраской, употребляемое в определенных условиях с целью замены такого синонимичного ему слова или выражения, которое представляется автору высказывания неуместным, грубым или нетактичным. По мнению ученого, следующие причины заставляют автора использовать слово-замену: стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта;